Л. ФЛАУМ

ИСТОКИ ОМСКОГО ИНАКОМЫСЛИЯ (ДИССИДЕНТСТВА)

В словарях значится: диссидент (от латинского dissidens) — несогласный, инакомыслящий, еретик. Однако в 1950—1960-е годы органы госбезопасности сумели внедрить совершенно искаженное понимание латинского термина. «Чекисты» стали толковать слово «диссидент» как активный противник политического строя, враг Отечества и народа. К сожалению, даже среди, так сказать, мэтров, интеллектуальной элиты такое толкование получило распространение. Особенно удручает, что «чекистское» понимание не только сохраняется, но и усиливается в последние годы.

Это получило отражение, в частности, в статье автора нескольких книг, краеведа И. Петрова («Об омских «диссидентах», газета «Новое обозрение от 3 апреля 2002г., с. 7), в воспоминаниях А. Лейфера («Мой Вильям», Издательский дом «Наука», Омск, 2003 г., с. 144), у доктора исторических наук, члена-корреспондента Петровской академии наук и искусств, депута-та ЗСОО С. Новикова («Наедине со всеми», изд. ОмГАУ, Омск, 2004 г., с. 10).

Названные авторы — разные люди, но, как кто-то заметил, «все вышли из шинели Ф. Дзержинского». Не случайно так дружно доказывают, что омские писатели П. Ребрин, В. Озалин, А. Кутилов, как и другие «шестидесятники» прошлого века, не были диссидентами, не уходили от государственно-классовых ценностей к общечеловеческим. И государство не ставило им препоны, напротив, поддерживало — помогало публиковаться, давало жилье, «гладило по головке», и т.д., и т.п. Мол, бывали трения, но никак не власти в них виноваты, а сами писатели.

Оказывается, не насаждало государство единомыслие, не объявляло врагами-диссидентами творческих людей. Послушаешь мэтров-интеллектуалов и не поймешь: откуда брались анекдоты, антигосударственные пословицы («где серп и молот, там кровь и голод»), антиправительственные частушки, наконец. Почему все-таки стали важны реформы 1985 года! Неужели в одном М. Горбачеве дело!! А разве не начиналось инакомыслие еще с Ишимского восстания 1921 года или с выступлений против коллективизации!

В публикуемом ниже материале показано, что диссидентство возникло и укреплялось постепенно, в первую очередь благодаря той идеологии, которая внедрялась и в результате действий самих же властей.

Дебора Яковлевна Сапожникова не удостоилась высокого официального признания. Зато очень многие почтительно уважали эту симпатичную напористую женщину как одного из лучших учителей и знатоков литературы, как человека, который своей судьбой, своим примером дарил окружающим надежду и веру в то, что даже при сволочных обстоятельствах можно жить интересно и с достоинством. Не многие так умеют...

Родилась 15 апреля 1921 года в Татарске Новосибирской области. Отец, Яков Михайлович, выходец из деревни Крестики, не имея специальности, зарабатывал огородничеством и как музыкант. Его нанимали играть на семейных праздниках. Мать, Анна Давыдовна, занималась домашностью и детьми.

В 1929 году восьмилетняя Дебора пришла в школу. Через 4 года семейство перебралось в Омск. Здесь ставшая примечательно красивой девушка окончила десятилетку, гордо и уверенно двинулась в Москву в знаменитый ИФЛИ (Институт философии, литературы, искусства). На вступительных экзаменах провинциалка набрала нужные баллы, однако в приеме отказали.

Возвратившись домой, проработав год учителем, повторила попытку с тем же огорчительным результатом. Вдруг пригласили в Петрозаводск. И безунывная, не особо размышляющая представительница первого в мире поколения, родившегося при советской власти, становится студенткой историко-филологического факультета новоиспеченного Карелофинского университета.

Ударила война. Университет эвакуировали в Сыктывкар. Там, чтобы платить за угол, дрова и хлеб насущный, одновременно с учебой трудилась в школе. Занимаясь по ночам при коптилке, за один год одолела программу двух курсов. В 1944 досрочно получила диплом по специальности младший научный сотрудник и школьный учитель. Из-за болезни матери срочно отправилась в Омск, пошла работать в педагогический институт лаборантом и преподавателем за половину ставки. Как значится в ее личном деле, с месячным окладом 577 рублей 50 копеек.

Во время войны в Омском пединституте оказались крупные ученые-гуманитарии: В.В. Виноградов, Б.Я. Бухштаб, их менее именитые, но имеющие глубокую и разностороннюю подготовку коллеги. Близкими для Деборы Яковлевны на всю жизнь станут - тонкий исследователь, переводчик французской литературы, знаток поэзии и живописи Раиса Азарьевна Резник, впоследствии преподававшая в Саратовс-

ком университете, и сосланный в наши края еще на подступе больших репрессий 1930-х годов необычайно одаренный историк, архивист, писатель, полиглот Николай Васильевич Горбань.

Эти люди, обладавшие энциклопедическими знаниями, являлись наследниками классической русской культуры и дореволюционной вузовской школы с ее традициями чести, независимости и демократизма. После революционных катаклизмов, массовой эмиграции, арестов, социалистических преобразований все перечисленное исказилось.

Общаясь с эвакуированными, "отличница" быстро поняла, что получила весьма скудную подготовку. Зато позаимствовала у приезжих такое понимание литературы и человеческой души, которое помогало не с классовых и партийных позиций, не по-ждановски судить об искусстве и жизни. Позаимствованные подходы сделались первым, еще не осознанным шагом к инакомыслию. Лиха беда начало...

Специалистов, деливших с омичами военное лихолетье, сейчас фактически забыли. Пример Д.Я. Сапожниковой показывает, что такое забвение несправедливо. В записях, находящихся в Омском облархиве, Дебора Яковлевна так говорит о влиянии тех, кто унаследовал общечеловеческие ценности: "... если в моей душе пробились живые росточки, если в ней есть место пониманию и сочувствию, то в этом – их усилия, их любовь, чуткость и благородство."[1]

В 1945 году начали складываться близкие отношения молодой красавицы и Николая Васильевича Горбаня. Мешала разница в возрасте – без малого двадцать лет. Тут время сказать, что Дебора в переводе – пчела. Определяющая черта характера – самоотверженность, столь присущая рабочим пчелам, питающим и защищающим улей. Чем иначе объяснишь саму возможность сердечного союза этих разных людей?

В начале 1930-х Николая Васильевича выслали в Алма-Ату, затем в Тобольск и Омск. По вымышленному обвинению в национализме талантливого ученого и писателя лишили возможности работать, разрушили его семью, всю жизнь. В ссылке Николай Васильевич описал, открыл для использования архивы Казахстана, Западной Сибири. Со временем ему миловали некоторую возможность заняться преподаванием истории. Но судимость оставалась. Не мог полноправно поехать на рідну Україну, не мог толком публиковаться.

Молодая женщина, увлеченная умом, поэтичностью, добротой и страданиями незаурядного человека, решила, хотя бы отчасти, оградить его от превратностей. Добилась – создали семью. Николай Васильевич проникновенно читал вслух. Тургенев, Толстой, Чехов ... Говорили, обсуждали. Размышляя о Н.Е. Салтыкове-Щедрине, ловили себя на мысли: писатель изображает как бы то, что происходит и в настоящее время. Под влиянием искореженной судьбины мужа, его оценок (самых осторожных, опасливо сдержанных) инакомыслие усиливалось.

Н.В. Горбань защитился, стал первым в Омске доморощенным кандидатом исторических наук, заведующим кафедрой. Студенты (не только свои, с разных курсов) приходили на занятия Д.Я. Сапожниковой. Она съездила в Москву, приступила к подготовке диссертации. Но грянула очередная сталинская "охота на ведьм" – борьба с космополитизмом, заодно и сионизмом. Бывшего "националиста" Н.В. Горбаня обвинили в новых грехах. Он горько ерничал: "Космополиты и националисты всех стран – соединяйтесь!"[2] Одновременно удалили из вуза (по сокращению штатов) Дебору Яковлевну.



1944 г.



1968 г.

Она устроилась в школу. Николай Васильевич приткнулся на грошовую зарплату в архив и преподавать латинский язык в медучилище. Ради копеечных гонораров печатал по архивным находкам газетные заметки без подписи, под чужими фамилиями. Делал работу "за дядю и для дяди", иногда за "бутылку." Часто выпивал. Жена разыскивала, приводила домой. Порой, напротив, не пускала ночевать. Много лет спустя каялась, сожалела о своей непримиримости. Легко сказать! Подчас не знала: к счастью или несчастью родился сын?! Больше всего страшилась, что пристрастие отца к алкоголю отразится на ребенке. В конце концов, прожив с Деборой Яковлевной четырнадцать лет, Николай Васильевич подался в Ташкент преподавать латынь в мединституте.

Дебора Яковлевна быстро вошла в число лучших омских учителей литературы. Приезжали за ее опытом из других городов и весей. Тогда, особенно после смерти И. Сталина, происходили важные перемены. Иными становились настроения, взгляды. Многие стали размышлять, задумываться. Инакомыслие делалось все более распространенным. Стало ясно, что надежды, рожденные победой над гитлеризмом, не сбываются. Людям хотелось жить лучше, свободнее...

"А потом пришли благословенные шестидесятые, – пишет Д.Я. Сапожникова, – открытие за открытием! Впервые услышала такие имена, что дух захватывает до сих пор, когда представишь этот ряд: Цветаева, Мандельштам, Булгаков, Бабель, Платонов, Олеша и еще, и еще, и еще."[3]

Письма Н.В. Горбаня из Ташкента, зачастую начинавшиеся обращением "Dear Debora! (Дорогая Дебора!)", более всего касались сына: "Я уже отжил свое, а страшно за Сашку. И тревогу вызывают речи о том, что мы сильнее всех".[4] Впрочем, про политику и соб-

ственную персону толковал редко, предельно кратко, шутя. Только в одном письме, получив, наконец, окончательную реабилитацию, не выдерживает: "Известие из Алма-Аты потрясло. Прошла вся жизнь передо мною. Ведь именно в Алма-Ате ее исковеркали."[5]

Каждое лето, иногда и зимой, старался навестить семью. Опять выдвинули на заведование кафедрой, на сей раз — иностранных языков. Увы, с "бутылкой" не расставался. Дебора Яковлевна со смешанными чувствами узнала, что Николая Васильевича опекает квартирная хозяйка, сдавшая ему жилье. Оказалась медсестрой, у которой репрессирован и сгинул муж. Последние письма из столицы Узбекистана пришли в 1973 году. Там похоронен. А память живет в Омске и на Украине. Есть в нашем городе для тех, кто исследует, открывает людям богатства архивов, премия Н.В. Горбаня, проводятся посвященные Николаю Васильевичу чтения.

Для Деборы Яковлевны основной заботой являлся, понятно, сын. Она шутила: "Вырос вундеркиндером". Из обычной школы "с руками и ногами" взяли в физико-математическую при Новосибирском университете. Беспокоилась — писала, звонила, старалась навещать. Все же успевала самозабвенно работать, насыщенно жить.

Как всегда, непрестанно читала, переписывалась с блестяще образованными друзьями, знакомыми (о них надо бы написать отдельно). Удивляя окружающих, находила возможность съездить — пообщаться, побывать в театрах, музеях, на выставках. Получала отклики, приветы от таких корреспондентов, как писатель Федор Абрамов, поэт Андрей Вознесенский, писательница Наталья Ильина, с которой они, пожалуй, отчасти похожи. В домашнем архиве сохранялись тысячи ответных пожеланий. В них осмысление культурной и не одной культурной жизни страны.

На телевидении участвовала в подготовке передач для школьников "Люби и знай родное искусство", выступала с обзорами толстых литературно-публицистических журналов. Во всем стремилась уйти от догм, фальши, лжи к более глубокому пониманию. А более глубокое, объемное, не упрощенное, по сути, неизбежно оборачивается иным пониманием, инакомыслием.

Сделались популярными клубы веселых и находчивых, самодеятельные театры эстрадных миниатюр. Активисты КВНа и СТЭМа из политехнического института собирались на квартире Деборы Яковлевны, читали "самиздат", "тамиздат", "Хельсинские хроники", т.е. нелегальные книги, сообщения, протестные письма. За распространение подобных материалов сажали, отправляли в психушки. Но, как, упоминалось выше, Д.Я. Сапожникова отличалась редкой самозабвенностью — рисковала с увлеченностью молодых. Позже она заметит: "Мой низкий поклон этому поколению. Я, тогда сорокалетняя, с их помощью освобождалась от многолетней "зашоренности", открывала неизвестный мне (филологу) мир русской литературы, пыталась соответствовать времени".[6]

Конечно, квартира Деборы Яковлевны была далеко не единственной, где собирались, критически оценивали происходящее, слушали и пели авторские песни, читали запретное, спорили, рассказывали анекдоты, грустили от бессилия. Еще во второй половине 1950-х годов омские власти уничтожили тираж уже отпечатанного произведения начинающего сатирика Л. Шевчука. Тогда же за участие в студенческом политическом кружке получил 7 лет лагерей с последующим ограничением прав будущий депутат Госдумы М.М. Молоствов (он учился в Ленинграде, преподавал в Омске).

В начале 1960-х годов осуждению, точнее, разносу партийных и прочих "стражей" подверглись картины омских художников Н. Брюханова, Н. Третьякова, Г. Штабнова, С. Белова и очерковая повесть нашего талантливого земляка П.Н. Ребрина.

В тот период в Доме художников, наряду с его хозяевами, встречались журналисты, литераторы, актеры, архитекторы. Здесь бывали талантливые журналисты и писатели А. Пахомов, В. Попов, М. Петров, автор замечательных детских стихов П. Белозеров, набиравший силу, еще не оцененный по достоинству, но уже гонимый власть предержащими поэт и бард В. Озолин.

Писал стихи, жил, как бомж, вызывающе себя вел замеченный А.Т. Твардовским, но не имевший возможности публиковаться А. Кутилов. Полный зал собирали поэтические вечера в пединституте, постановки в студенческом театре Ю. Шушковского в сельхозвузе.

Проректор, завкафедрой этого института Л. Фридлянд — экономист, недавний председатель колхоза и секретарь райкома партии, привереженец марксизма (но не "брежневизма") — рецензировал по просьбе авторов работы московских диссидентов. Л. Фридлянд и целый ряд нестандартно мыслящих преподавателей, работников культуры, журналистов под давлением обкома КПСС и подчиненных ему "органов" вынужденно, "с волчьим билетом" покинули город.

Впрочем, запрещенные книги читали, зарубежные голоса слушали — тысячи. Анекдоты рассказывали, песни Б. Окуджавы, А. Галича, В. Высоцкого, других бардов знали — миллионы. Сегодня не приемлют демократов, а тогда кляли "орденоносца и броневосца Ильича", его бесплодные попытки сделать "экономику экономной." Безусловно: не вожди и не отдельные "прорабы реформ" начинали перестройку. Инакомыслие, словно весеннее солнце корку снежного наста, разъедало систему. Она не сдавалась. Хрущевскую оттепель сменили идеологические морозы. Заглохла реформа А. Косыгина — возможно, российский вариант китайской перестройки. Отстранили самого "Никиту". Год за годом нарастали расправы над "вольнодумцами". Этот процесс затронул младшего Горбаня.

В 1968 году "вундер-киндер", в 15 лет ставший студентом-математиком, с товарищами постарше написал высоко на стене корпуса лозунг в защиту инакомыслящих. Целый год таскали к следователям. На суде основную вину взял на себя. Срок по несовершеннолетию не дали. Исключили из университета и комсомола. Вернулся в Омск. Учился в ПТУ, работал. Получил хорошую характеристику. Несмотря на нее и признание неординарных способностей, в университет не возвратили. Новосибирской крамолой занимался лично председатель КГБ Ю. Андропов. Гонениям подверглись многие студенты и ученые.

Александра удалось, ввиду талантливости, коекак приткнуть на физмат Омского педагогического института. После окончания долго мыкался, не имел возможности заниматься наукой. Числился в неблагонадежных. Сменил несколько профессий в разных городах. Как и отцу, довелось трудиться "на дядю и за дядю". Стал доктором наук, профессором, добился признания в России и за рубежом. Занимается нейрокибернетикой.

А мать? Кто расскажет: сколько седых волос на голове и рубцов на сердце прибавилось у нее за те

годы?! Кто расскажет, как она выстояла и вопреки всему сумела жить достойно?! В 1970-е, в период идейного и морального "болота", уехала в Муромцевский район — в "омскую Швейцарию", через которую по Сибирскому тракту когда-то везли в ссылку инакомыслящего А. Радищева.

Преподавала в сельской школе. Как везде, заслужила уважение. Ее деревенский дом часто становился дискуссионно-художественным клубом. Сюда из дальних далей приезжали, из близких мест заглядывали единомышленники. Навечно породнилась с муромцевской землей — оставила ее красоте немалую часть души, похоронила на погосте села Артын маму, для которой была самой верной и любимой из детей.

В последний период жизни Дебора Яковлевна много сделала для популяризации Николая Васильевича. К ней обращались из Академии наук Украины, из Киева. Там появились статьи в энциклопедиях, связанные с именем Н.В. Горбаня издания. Начинают выходить работы за границей.

Обратилась к Д.Я. Сапожниковой доктор наук, историк Л.П. Рощевская. Ее отец хорошо знал и ценил Н.В. Горбаня. Дебора Яковлевна Л.П. Рощевскую консультировала, высылала ей материалы.

Пространные записки о знакомстве и жизни с Н.В. Горбанем подготовила Д.Я. Сапожникова для Госархива Омской области. Передала архивистам письма некоторых своих корреспондентов.

По просьбе редакционно-издательского отдела Омского педагогического университета, как всегда с высоким вкусом и глубоким знанием, составила хрестоматию для младших школьников.

Верным спутником Деборы Яковлевны на склоне лет являлся второй муж, участник войны с фашистами, инженер, а в далекие годы одноклассник Георгий Павлович Кирдин. Она все больше жила заботами сына и его семьи. При первой возможности Саша появлялся в Омске. Дебору Яковлевну никогда не забывали знакомые, бывшие ученики. Всегда была в курсе событий. При встречах, разговорах ее ум и душа обнаруживали молодость — "ни одного седого волоса". Кончина Д.Я. Сапожниковой показалась неожиданной.

Она родилась в самый первый из 1920-х годов, но по мышлению, интересам, пристрастиям принадлежала, бесспорно, к шестидесятникам, точнее, к тысяча девятьсот шестидесятникам, о которых, в том числе, о сыне, начавшем седеть в 15 мальчишеских лет, заключила: "... Это история поколения с верой, разбившейся в прах; с порывами борьбы за права и свободу, которые у них особенно жестоко отнимала и попирала запущенная в 1917 система." [7] Вот такая точка зрения...

И тут надо сказать, что, согласно словарям, инакомыслие, инакомыслящий обозначаются латинскими терминами диссидентство, диссидент. Правда, у нас данные термины толкуют чаще как непримиримость, непримиримый, почти экстремист. Не случайно А. Лейфер в книге-очерке об одном из самых ярких омских поэтов В.Я. Озолине заявляет: "Диссидентом, т.е. человеком, активно выступающим против существующего политического режима, Озолин, конечно, не был".

Слово "диссиденты" использовали кагэбэшники. Они стремились наиболее активных инакомыслящих отделить, объявить опасными для окружающих. Прием старый. Придавали негативную окраску самым нормальным словам, таким как крестьяне, казаки и т.д. и т.п.

Подобные манипуляции и трактовки, чреваты последствиями. А. Лейфер утверждает, что В. Озолин якобы вполне лояльно относился к властям, писал просоветские стихи, готов был сотрудничать с расстрелявшими его отца "органами". Даже факты, приводимые самим А. Лейфером, противоречат таким утверждениям.[8]

Нет, не только в годы перестройки и вовсе не в силу эмоциональности В.Я. Озолин еще в своем первом сборнике стихов, обращаясь к памятнику А.С. Пушкина, вынес однозначный приговор режиму: "И нынче для поэтов чугуна много и нынче для поэтов хватает свинца".

Вильям Янович с горечью говорил об этом в прощальные часы последнего приезда в родной и любимый, но изгнавший, руками чиновников, город. В минуты окончательного расставания объявленных друзей рядом как-то не оказалось. К чему же теперь выяснять: был или не был диссидентом? Есть ли в том нужда?! Неужели подросток Саня Горбань — диссидент, а его мать, преподававшая советскую литературу, не писавшая лозунгов на стенах, или презиравший "сексотов", "вертухаев" и "благонамеренных либералов" поэт как бы терпимо относились к "существующему политическому режиму"? Думается не в различиях между ними суть, а в том, что они — образец противостояния госчиновникам. И в том, подчеркнем, что из-за массового инакомыслия стала возможна перестройка.

Сейчас, повторим, все чаще отрицательно относятся к шестидесятникам, к их диссидентству. Неудачный ход перестройки породил недоверие к любым преобразованиям, их сторонникам. Показательно: совершенно разных по взглядам декабристов (всех скопом) обвиняют чуть ли не в большевизме.

Найдутся, наверняка, и те, кто негативно оценит жизненную стезю Д.Я. Сапожниковой. А мы скажем: пусть светлая и долгая память о Деборе Яковлевне подсказывает, что кроме столичных имелись, играли важную роль кухни омские, провинциальные. Любопытно, кстати, пьеса о московских кухнях, по словам ее автора Ю. Кима, игралась в Омске куда дольше, чем в столице. Наверняка инакомыслие — диссидентство — и в дальнейшем не исчезнет из жизни.

Примечание. Хотелось бы выразить искреннюю благодарность тем, кто помогает сохранению памяти о Н.В. Горбане, вопреки трудностям проводят посвященные ему чтения. Видимо, на этих встречах стоит уделить внимание и Д.Я. Сапожниковой, А.Н. Горбаню — всей их семье. Пока история семей, династий изучается недостаточно.

Библиографический список

1. Госархив Омской области (ГАОО), ф. 2071, оп. 2, д. 28, стр. 5.
2. ГАОО, ф. 2071, оп. 2, д. 28, стр. 7.
3. ГАОО, ф. 2071, оп. 2, д. 25, стр. 4.
4. ГАОО, ф. 2071, оп. 2, д. 11, стр. 9.
5. ГАОО, ф. 2071, оп. 2, д. 11, стр. 15.
6. ГАОО, ф. 2071, оп. 2, д. 29, стр. 17.
7. ГАОО, ф. 2071, оп. 2, д. 28, стр. 47.
8. А. Лейфер, "Мой Вильям", Омск, "Издательский дом "Наука", 2003, стр. 144 и стр. 145-148.